

Агранович С. З., Березин С. В.

СПАСЕННЫЕ СМЕХОМ...

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/1/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 1 (1). С. 11-17. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В современной науке нет недостатка в гипотезах о происхождении сознания человека разумного. Видимо, продуцирование таких гипотез – это бесконечный процесс, так как каждое новое открытие в археологии, палеоневрологии, генетике, палеологии и других науках будут давать основу для появления новых гипотез, объясняющих это решающее для эволюции биосферы Земли событие, которое произошло, вероятно, несколько десятков тысяч лет назад. Столь значительная удаленность во времени интересующего нас события оставляет мало надежд на то, что когда-либо будет собрано достаточное количество прямых доказательств какой-либо одной теории. В этих условиях существующие в настоящее время представления о происхождении сознания, вероятно, будут мирно сосуществовать, обретая своих адептов и оппонентов. Мы воздержимся от даже самого беглого обзора основных теорий происхождения человека разумного и его сознания.

Может быть, важнее сказать, что нас в них не устраивает. Прежде всего, нас не устраивает очевидная непричастность самого человека к процессу своего становления. Л.С. Выготский, рассуждавший о новом человечестве, говорил: «Это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя». Мы могли бы добавить, перефразируя его, что человек является единственным существом, оказавшимся перед необходимостью приспособляться не столько к среде, сколько к себе. Как мы предполагаем, именно приспособление к себе, с одной стороны, и «отталкивание» от биологического – с другой и были ведущими механизмами антропогенеза. В основе нашей гипотезы о происхождении человеческого сознания и роли смеха в этом процессе лежат хорошо известные факты естественно-научного и культурологического характера.

Речь идет прежде всего об особенностях функциональной асимметрии головного мозга человека. Специализация полушарий головного мозга человека носит устойчивый видоспецифический характер. Было время, когда человек считался единственным на Земле существом, имеющим функционально асимметричный мозг (С историей этого вопроса можно познакомиться по книге Спрингер С., Дейч Г. [10]). Однако новейшие исследования показали, что различные виды функциональных асимметрий наблюдаются и у животных. Это так называемые моторные и сенсорные асимметрии. (Обзор исследований асимметрии мозга животных представлен в книге Бианки В.Л. [4]). Похоже, мы действительно не обнаружим кардинальных отличий в асимметрии мозга человека и животных, если будем сравнивать функции, управление которыми осуществляется на подкорковом уровне (например, моторные асимметрии). Ситуация резко меняется, когда мы исследуем асимметрию функций, локализованных собственно в коре человеческого мозга. Правда, и в этом случае человек оказался не уникальным существом. Есть еще одна группа живых существ, чей мозг имеет столь же ярко выраженную асимметрию кортикальных функций. Это певчие и «говорящие» птицы. Судя по всему, функциональная асимметрия мозга у певчих птиц и у человека не является, да и не может являться результатом некой эволюционной преемственности. Возникновение этого поразительного сходства в строении и функционировании мозга было в обоих случаях независимо друг от друга и обусловлено, скорее всего, необходимостью управления сложным процессом членораздельного звукопорождения и распознавания членораздельных коммуникативных сигналов. Первопричиной способности к членораздельному звукоизвержению у певчих птиц и человека является специфическое строение гортани, и именно эта объединяющая такие эволюционно далекие друг от друга группы живых существ анатомическая особенность требовала развития специального механизма управления ей, что в конечном итоге привело к формированию функциональной асимметрии мозга. Гортань других животных в силу особенностей своего строения исключает возможность членораздельного звукопорождения и, вероятно, поэтому функциональная асимметрия их головного мозга носит менее выраженный характер и не является видоспецифической даже у весьма высокоразвитых животных, обладающих другими (не членораздельно-звуковыми) системами коммуникативных кодов. Несомненно новые исследования функциональной асимметрии мозга человека и животных расширяют наши представления об этом феномене, но они не меняют ситуацию принципиально: «компания» певчих и «говорящих» птиц и человека вряд ли пополнится другими членами.

Наша позиция в понимании истоков человеческого сознания заключается в том, что первопричиной его возникновения и главным источником его бинарности и диалогичности является функциональная асимметрия человеческого мозга. Если уникальность человеческого сознания базируется на функциональной асимметрии головного мозга, то мы должны ответить на вопрос о том, что же породило эту асимметрию.

Логично было бы предположить, что функциональная асимметрия кортикальных функций у человека является следствием эволюционного развития когнитивных процессов. Однако здесь мы сталкиваемся с существенным противоречием. Врановые птицы проявляют высоко развитую функцию обобщения и абстрагирования, включая довербальное понятие о «числе» (Подробнее смотри об этом у Зориной З.А. и Полетаевой И.И. [7]). Эксперименты показали, например, что вороны способны к символизации. Они без специального обучения только за счет мыслительного сопоставления ранее полученной информации могут установить эквивалентность множеств и исходно индифферентных для них знаков. Доказано, что эти птицы способны оперировать усвоенной информацией, выполняя с цифрами операцию, аналогичную арифметическому сложению. У них, как и у высших приматов, довербальное мышление достигло в своем развитии того промежуточного этапа, который обеспечивает возможность использования символов вместо реальных объектов и

явлений, то есть, они достигли интеллектуального уровня, который в ходе эволюции непосредственно предшествовал формированию второй сигнальной системы [7]. В то же время даже у человекообразных обезьян межполушарное распределение когнитивных функций выглядит куда более примитивно. Следовательно, функциональная асимметрия вряд ли является следствием эволюционного развития когнитивных процессов.

Исходя из этого, мы выдвигаем предположение о том, что функциональная асимметрия мозга генетически восходит не столько к высокому уровню развития когнитивных функций и наличию сложившейся вербальности, сколько к способности к членораздельному звукопорождению. Асимметричный мозг есть не столько порождение формирующегося разума, сколько разум - есть порождение асимметричного мозга. Но если не развитие когнитивных процессов, то что?

На наш взгляд, многое может быть объяснено открытием, сделанным в 2001 году генетиками Оксфордского университета, обнаружившими ген FOXP-2, определяющий способности человека к речи. Оксфордским генетикам удалось установить, что этот человеческий ген отличается от аналогичных, обнаруженных у животных, изменением кодируемой им аминокислотой последовательности. Эта мутация, затронувшая только непосредственных предшественников современных людей, по мнению исследователей, передавшись по наследству, дала толчок для формирования речевого аппарата, то есть могла стать причиной того, что у человека развились структуры лица и челюстей, делающие речь *потенциально* возможной. Мутация гена FOXP-2, изменив структуру лица и челюстей, создала анатомо-физиологические предпосылки для возникновения членораздельного звукоизвержения. Это случилось с существами, которые, судя по всему, имели уже сложную и идеально приспособленную к их образу жизни сенсомоторную коммуникативную систему. Жесты и сигнальные крики вполне удовлетворяли потребности выживания и внутривидовой коммуникации. Впервые в истории биологической эволюции параллельно старой продолжающей работать коммуникативной системе возникает новый способ передачи информации. Мозг этих существ не был приспособлен для управления двумя коммуникативными системами сразу. Требовались кардинальные изменения в управляющем органе. Эти изменения, по всей вероятности, имели первоначально не столько морфологический, сколько функциональный характер. Похоже, простой способности к членораздельному звукоизвержению было вполне достаточно для начала процесса многоплановой функциональной дифференциации коры больших полушарий головного мозга. Это подтверждает и пример с певчими птицами: возникновение у них способности хотя бы к ритмико-мелодическому членению звука, то есть к начаткам членораздельного звукоизвержения, сформировало у них выраженную функциональную асимметрию мозга. Итак, у наших предков две коммуникативные системы начинают работать одновременно и параллельно. Это неизбежно приводит к их сложному взаимодействию, взаиморазвитию и перекодировке.

Старая, сложившаяся еще в недрах животной стадии развития человека, сенсомоторная система преобладала над новой, поскольку была более разработанной и поэтому совершенной. Однако новая коммуникативная система обладала некоторыми качествами, не свойственными старой – она, например, была более компактной, не связывала движений, подобно «старым» сигнальным крикам была доступна вне пределов видимости, и, главное, хотя бы типологически, открывала возможность оперирования не только конкретными предметами, явлениями и состояниями, но и в какой-то мере их обобщенными свойствами. Эта особенность новой коммуникативной системы формировалась благодаря тому, что устойчивые сочетания членораздельных звуков могли приобретать те же значения, что и жесты старой коммуникативной системы, то есть становились абстрагированием абстрагированного (Богатый лингвистический и культурологический материал, раскрывающий сложный характер взаимодействия слова и жеста, мифа и ритуала представлен в книге Агранович С.З. и Стефанского Е.Е. [2]). В формирующейся членораздельно-звуковой коммуникативной системе находили свое материальное воплощение предречевые интеллектуальные возможности наших далеких предков. Устойчивые сочетания членораздельных звуков, назовем их протослова, постепенно становились материальной оболочкой мыслительных процессов. Можно предположить, что это относительно небольшое количество членораздельных звуковых «сгустков» напоминало, вероятно, то, что в русском языке называется боботанием, то есть, невнятным, полубессмысленным детским лепетом, в котором ритмически повторяющееся членораздельное звуко сочетание может нести в себе самые разные значения [6]. По всей видимости, ранние формы вербального языка вышли из подобного стихийного, синкретического потока членораздельного звукоизвержения. Если речь человека начинается с боботания, то не исключено, что речь человечества начиналась с чего-то подобного.

Таким образом, в процессе антропогенеза наступает момент, когда наряду с сигнальными криками наши предки начинают продуцировать нечто весьма на них похожее и одновременно принципиально другое. Это, конечно, еще не человеческая речь, даже в самой архаической ее форме. Мы предполагаем, что появившаяся в результате мутации способность к членораздельному звукоизвержению породила некий избыточный по отношению к сигнальным крикам и жестовой коммуникации звуковой фон, подобный детскому гулению. Этот членораздельный звуковой фон, взаимодействуя со старой коммуникативной системой, состоящей из жестов и сигнальных криков, подвергается семантизации (хотя бы по механизму ассоциации по смежности) и, что очень важно, ритмизации со стороны знакового жеста, который постепенно начинает озвучиваться. Под постоянным воздействием этих факторов членораздельный звуковой фон приобретает черты, типологически уподобляющие его тому, что в современной детской психологии терминологически определяется как лепет.

Заметим, что прагматической потребности в появлении членораздельной коммуникативной системы для выживания в среде обитания и приспособления к ней у наших далеких предков просто не было. Более того, имевшаяся у них старая коммуникативная система была рассчитана природой, что называется «на вырост».

Практически впервые за всю историю эволюции природы один из видов получил две коммуникативные системы сразу. Они были разными по времени возникновения и способу происхождения, по уровню развития, по характеру передачи информации, по степени ее «свернутости», по отношению к пространственно-временному континууму. Жестовый код в силу своих особенностей был явлением континуальным, а формирующаяся вербальная коммуникативная система, несмотря на неизбежную в ее начале ситуативность прото-слов, была изначально устремлена к дискретной подаче информации. Новая коммуникативная система, вероятно, сразу же стала исполнять при старой некую весьма своеобразную роль: она придавала ей черты дискретности и вытягивала во времени. Однако, в силу еще присущей ей информационной расплывчатости, многозначности и неустойчивости вносила в коммуникативные процессы хаотичность, неопределенность и неизбежную при этом конфликтность. То, что одно означаемое могло выражаться двумя способами, неизбежно приводило к смысловым сбоям как при передаче информации, так и при ее восприятии и понимании. Смысловые сбои и противоречия в передаче информации не могли не порождать острых конфликтов как внутри сообщества, между его членами, так и непосредственно в психике отдельного индивида.

Постоянно получая противоречивые информационные послания, в которых протOVERбальная часть сообщения могла не совпадать или даже отрицать сенсомоторную и наоборот, каждый индивид попадал в ситуацию неопределенности и дезориентированности, которую в условиях жесткой и иерархичной организации сообщества невозможно было игнорировать. Особенно в тех случаях, когда противоречивые послания приходили от высокостатусных особей. Получая противоречивые послания, индивид должен был на них реагировать, но на какую их часть? Дезориентированность была чревата как гибелью индивида, утратившего адекватность, так и гибелью сообщества, внутренняя организация которого могла быть легко разрушена. Необходимость выживания в таких экстремальных условиях, порожденных не изменениями внешней среды, а чисто коммуникативными процессами, стала мощным стимулом для изменения в функционировании головного мозга.

Управление старой сенсомоторной, континуальной, образно-визуальной коммуникативной системой стало обнаруживать все более отчетливую локализацию в правом полушарии, а управление членораздельной звуковой, а впоследствии вербальной, дискретной, концептуально-абстрактной – в левом. Нарастание функциональной дифференциации головного мозга требовало новой организации синергичного взаимодействия его все дальше и дальше функционально «уходящих» друг от друга полушарий. Это по-новому должно было определить роль комиссур, главной из которых является мозолистое тело. Теперь оно приобрело новую медиаторную функцию и стало не только соединять полушария, но и констатировать их относительную раздельность, постоянно преодолевая ее, а также определять их отношения. Похоже, именно это дало К.Сагану основание утверждать, что человеческая культура есть функция мозолистого тела [9].

Мы предполагаем, что на фоне углубляющейся функциональной дифференциации полушарий головного мозга противоречивые коммуникативные послания должны были вызывать смятение, бурю ужаса в сознании наших далеких предков. Возможно, именно тогда зародились первые, скорее всего в форме чувствований, еще смутные начатки протомифологических представлений, о смерти и хаосе [1]. Так еще только формирующийся современный человек оказался в условиях, когда он вынужден был идти не только по пути приспособления к среде обитания, но и по пути приспособления к себе самому. Это как нам кажется предопределило не только его судьбу, но и судьбу всей биосферы.

Появление способности к членораздельному звукоизвержению резко изменило аудиальную среду. В нее ворвались новые, непонятные и функционально избыточные звуки, создававшие проблемы в коммуникации. Могли ли наши предки избавиться от этого явно мешавшего им «подарка»? Прямого ответа на этот вопрос у нас нет. Однако, есть обстоятельства, которые могут быть, как кажется, достаточно убедительными доводами в пользу отрицательного ответа. В звуках, которые мы издаем в первые мгновения жизни нет ничего человеческого: рефлексорные крики ребенка отражают в основном его соматические реакции и состояния. Эти крики, выражающие боль, дискомфорт, удовольствие или голод невозможно расчленить на отдельные составляющие элементы, выделить в них те или иные звуки. Рефлексорные крики младенцев не могут быть классифицированы ни по одному из известных фонетических признаков и в этом отношении они ничем не отличаются от рефлексорных криков животных. Однако в развитии ребенка уже в первое полугодие его жизни наступает знаменательный момент, который невозможно не заметить. Вместе с функциональными рефлексорными криками, несущими информацию о состоянии его организма, ребенок начинает издавать звуки, никак не связанные с его актуальными потребностями. Сначала это гуление, затем следует гуканье, постепенно сменяющееся лепетом. В период лепета происходит соединение отдельных артикуляций в линейную последовательность, появляются различные по протяженности цепочки одинаковых ритмически повторяющихся слогов (ба-ба-ба, да-да-да, ма-ма-ма, па-па). Интересно, что именно на этой стадии у ребенка появляется способность контролировать произношение звуков. Примерно с 6-7 месяцев лепет приобретает выраженный социализированный характер и выступает как вполне самостоятельная деятельность. Здесь монологоподобный поток звукоизвержения начинает приобретать форму диалога – ребенок явно обращается к миру людей.

Заметим, что гулить, гукать и лепетать ребенка никто не учит, эти формы поведения являются врожденными и актуализируются автоматически, следовательно, «отказаться» от них младенец не может. По всей вероятности, «отказаться» от реализации этой способности, первоначально явно снизившей их адаптивные возможности, наши далекие предки тоже не могли. Путь назад был закрыт. Оставалось либо вымирать, либо выживать, преодолевая создаваемые явно избыточным коммуникативным средством неудобства, и используя «предлагаемые» им возможности.

Важно заметить, что начало кардинальной функциональной дифференциации полушарий мозга младенца по времени практически совпадает с переходом от гуканья к лепету. Следовательно, оба эти процесса развиваются синергично.

Развивая нашу гипотезу, мы пытались смоделировать конфликтные ситуации, возникавшие на межличностном и внутриличностном уровне в результате коммуникативных сбоев, порождаемых одновременным функционированием двух генетически никак не связанных коммуникативных систем. Интересной аналогией ситуации, в которой оказались наши предки, является ситуация двойного послания, глубоко и всесторонне изученная группой ученых под руководством Грегори Бейтсона [3]. Перед исследовательской группой, возглавляемой Г. Бейтсоном, стояла задача определения природы шизофрении. Была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой симптомы шизофрении возникают и развиваются у индивидов, систематически попадающих в специфическую коммуникативную ситуацию, которую Г. Бейтсон назвал «двойное послание».

Двойное послание (ДП-ситуация, по Бейтсону) - это коммуникативная ситуация, нередко возникающая в процессе общения между людьми. Суть ситуации заключается в том, что индивид, включенный в коммуникацию, получает от своего партнера или партнеров сообщение, различные аспекты которого могут противоречить или даже взаимоисключать друг друга. Вербальная часть сообщения, может не совпадать по смыслу или даже отрицаться невербальной частью этого же сообщения. Например, уставший от общения со своим полуторагодовалым сыном отец раздраженно говорит ему: «А давай еще поиграем в машинки...». Те, кто имел счастье много общаться с детьми, знают, что активность ребенка в таких ситуациях резко меняет направленность (дети начинают капризничать, плакать, становятся пассивными) и в конце концов они «достаются» другому взрослому. Добившийся желаемого результата отец облегченно вздыхает про себя, а вслух говорит матери ребенка: «Поиграй с ним теперь ты! Видишь, он от меня устал». Кстати, если причина отцовского раздражения кроется не в ребенке, а в отношениях с женой, то заключительная фраза будет другой. Что-нибудь вроде: «Что за плаксу ты воспитала!..». В этом примере информация, выраженная интонационно, противоречит информации, сообщаемой в словах.

В ситуацию двойного послания можно попасть и в результате противоречивой информации, исходящей от двух лиц, которые являются для получателя одинаково авторитетными и жизненно значимыми. Так, отец может дать разрешение мальчику идти купаться одному без присмотра, а мать одновременно может требовать обратного. Ребенок опасается, с одной стороны, утратить уважение отца, а, с другой, испытывает страх перед возможной утратой теплых отношений с матерью, ее холодностью, отчуждением и даже враждебностью. Диаметрально противоположная информация, поступающая в сознание ребенка, на фоне его одинаковой зависимости от отца и матери, создает проблемную ситуацию, для разрешения которой ребенок не обладает еще достаточным интеллектуальным и волевым ресурсом. И в этом случае, и тогда, когда противоречивая информация исходит от одного лица, в сознании ребенка, становящегося своеобразной «информационной жертвой» почти неизбежно возникает кризисная ситуация, которая, являясь трудноразрешимой, нередко становится психологическим тупиком.

Во всех этих примерах ребенок - жертва двойного послания, которое не может быть им проигнорировано, ведь речь идет о сообщениях, поступающих от самых значимых и дорогих для него людей. Однако любая реакция на послание, содержащее в своей структуре противоречивые элементы, означает непослушание, невыполнение просьбы или приказа. Любая реакция ребенка несет в себе угрозу родительского гнева или пусть даже простого недовольства.

Лучшим выходом из этой сложнейшей и напряженной психологической ситуации для ребенка была бы его просьба как-то прокомментировать ситуацию или прямой вопрос о том, что от него хотят на самом деле. Вероятность таких действий ребенка чрезвычайно мала не только в силу его пока небольших интеллектуальных возможностей (до этого еще надо додуматься), но и по причине его зависимого положения - открытый вопрос к автору или авторам двойного послания означал бы прямую конфронтацию со значимым лицом. Но даже если предположить, что такой вопрос прозвучал, вероятность того, что ребенок получит на него ответ, еще ниже. Авторы двойного послания не ведают, что творят.

В результате исследований Г. Бейтсон и его коллеги сформулировали четкую структуру ситуации двойного послания (ДП-ситуации). Она включает в себя следующие составляющие.

1. *Двое или более участников.* Участник, к которому обращено противоречивое сообщение, называется «жертва». Авторы ДП-ситуации должны быть для «жертвы» значимыми людьми, мнением и отношением которых она дорожит или от которых напрямую зависит ее социальное положение и личное благополучие.

2. *Повторяющийся опыт.* ДП-ситуация является в жизненном опыте жертвы не единственной и периодически воспроизводится.

3. *Первичное негативное предписание.* Исходной позицией, с которой собственно и начинается ДП-ситуация, является запрет на какое-либо действие, имеющий силу табу, или требование столь же радикаль-

ного характера. Обычно и запрет, и «требование» подкреплены более или менее редуцированно выраженной угрозой.

4. *Вторичное предписание, которое противоречит первичному.* Если первичное предписание вербально, то вторичное носит по большей части сенсомоторный характер. Оно передается посредством мимики, жеста, ситуативного контекста и средств выражения, стоящих на границе вербального и невербального: подчеркнутая интонация, значимое молчание, иронический или сардонический смех и т.д. Вторичное предписание может противоречить как первичному предписанию в целом, так и любому его смысловому элементу в отдельности.

5. *Третичное негативное предписание* может быть как вербальным, так и невербальным. Независимо от того, воспроизводится оно сознательно или бессознательно, его «задача» заключается в том, чтобы фиксировать жертву, попавшую в психологический тупик, в пространстве взаимодействия, не дать ей бежать.

6. *Систематическое попадание* в ДП-ситуацию и пребывание в связанных с нею психологических тупиках устойчиво фиксируют в психике жертвы стереотип восприятия действительности сквозь призму двусмысленности. После этого практически любой элемент ДП-ситуации может вызвать у жертвы панику, оценку, гнев или истерику. Мы полагаем, что ситуация, в которой оказались наши вдруг забоботавшие предки и ДП-ситуация типологически сходны.

Наблюдения, аналогичные тем, которые были сделаны Г. Бейтсоном, осуществил Дэвид Гелен. Но если Г. Бейтсон свои наблюдения реализовал в рамках коммуникативных процессов, то Д. Гелен увязал своеобразие человеческого общения со структурой и функционированием мозга. Г. Бейтсон, описывая многочисленные и разнородные жизненные ситуации, в которых люди сталкиваются с двусмысленной информацией замечает, что сознание попавшего в такую ситуацию человека может быть травмировано и даже разрушено. Причем, разрушение сознания осмысливается им как утрата целостности, расщепление, процесс подобный шизофреническому. О расщеплении сознания пишет и Д. Гелен. Он полагал, что в норме полушария головного мозга работают во взаимодействии, однако при определенных условиях в работе мозга могут возникнуть явления, аналогичные тем, которые наблюдаются в мозгу при его хирургическом расщеплении, когда оба полушария начинают функционировать практически независимо. В случае двойных посланий роль скальпеля выполняют два разнородных и противоречащих друг другу потока информации. Один из них носит ярко выраженный сенсомоторный, а другой столь же явный вербальный характер. Д. Гелен приводит в качестве примера элементарную конфликтную ситуацию, часто возникающую в жизни: «Представьте себе действие на ребенка ситуации, когда его мать словами говорит ему что-то одно, а выражение лица и движение тела совершенно другое: «Я делаю это потому что люблю тебя, дорогой», - говорят слова, но «Я тебя ненавижу и уничтожу» - говорит лицо» [10; 215].

Мы видим, что Д. Гелен явно говорит о ДП-ситуации, но если Г. Бейтсон рассматривает двойные послания и их эффекты в поле межличностных коммуникаций, то Д. Гелен переносит эффекты двойного послания в пространство информационных взаимодействий полушарий головного мозга. Он пишет, что оба полушария, подвергаясь воздействию одинаковых сенсорных стимулов, эффективно воспринимают различную информацию. Но, по его мнению, каждое полушарие придает приоритетное значение только одному из сообщений. Будучи специализированными, они оба как бы делят информационные потоки. Для левого полушария приоритетными являются словесные сигналы, для правого – невербальные. «В этой ситуации два полушария могли принять решение о противоположных по направлению действиях: левое – подойти, правое – убежать...» [10; 215].

ДП-ситуации интересны нам тем, что вне зависимости от социальной ситуации и субъектов, участвующих в них, все они строятся по одному принципу, всегда основываются на двусмысленности и бесконечно ее порождают. Любые типы ДП-ситуаций, «работают» одинаково, и варианты выхода из них всегда весьма близки типологически.

Исходов из ДП-ситуаций любого уровня сложности и социальной организации всего три. Первый из них предопределен внутренней логикой самой ДП-ситуации. «Жертва», получив противоречивые и одинаково значимые для нее коммуникативные сообщения, в силу самой ситуации не имеет возможности выяснить на какую часть сообщения она должна реагировать. По мнению Д. Гелена, согласованная работа полушарий головного мозга в этот момент нарушается, жертва оказывается в напряженно-тревожном состоянии неопределенности, неспособности сделать выбор или каким-либо образом апеллировать к палачу. Систематическое попадание в ДП-ситуацию и поведение жертвы, обусловленное самой ситуацией, приводит к различным по степени тяжести нарушениям психической и личностной целостности индивида.

Второй из возможных вариантов выхода человека из тупика ДП-ситуаций отличается активностью, которая выражается в свободном и ответственном поведении «жертвы», выводящем ее за пределы ситуации двойного послания. Это может быть слово, обращенное к «палачу» с требованием прояснить его позицию или действия, преодолевающие угрозу наказания со стороны «палача». Разрешая ДП-ситуацию «под свою ответственность», «жертва» всегда рискует. Масштабы риска зависят от конкретной ДП-ситуации. Это может быть несколько минут материнской холодности или демонстративного отцовского презрения, обструкция, изгнание из группы и другие. Однако, рискуя, «жертва» получает не просто потенциальную возможность сохранения своей личностной целостности, ощущения способности влиять на ситуацию, но и шанс преобразовать и себя, и «палача».

Последствия ДП-ситуаций для «жертвы», чье поведение предрешено логикой развития самой ситуации, предсказуемы и делают жертву потенциально еще более уязвимой, а «палача» - еще более жестоким «палачом». Последствия поведения «жертвы», преодолевающей логику ДП-ситуаций всегда непредсказуемы. Однако риск, на который идет «жертва» ДП-ситуации, действуя вопреки ее внутренней логике, преодолевая свой страх, делает возможным не только позитивный выход из тупика, но и преобразовывает «жертву» в подлинного творца своей жизни и судьбы. По мысли В.А.Петровского, индивид, действующий свободно и ответственно в направлении непредрешенных исходов, преобразует не только себя. Он обретает идеальную представленность в жизни других людей [8]. Идя на риск, «жертва» разбивает оковы собственной «жертвенности», обретает субъектность, делает возможным непредрешенные позитивные исходы ДП-ситуаций, преобразовывает и себя, и «палача».

Третий из возможных вариантов выхода «жертвы» из тупика ДП-ситуации – это смех. Получив два, взаимоисключающих коммуникативных послания, прояснить которые «жертва» не может в силу существующей угрозы наказания, она может рассмеяться. Смеясь, «жертва» находит спасение, оставаясь в пределах ситуации двойного послания. Смех «жертвы» в ДП-ситуации имеет двойственную направленность. С одной стороны, он адресован «палачу». Своим смехом «жертва» разрушает власть «палача» над собой, поскольку адресует ему не менее двойственное и двусмысленное послание. С другой стороны, смех «жертвы» обращен к ней самой и даже на нее направлен: он маркирует положение, в котором она находится как имеющее выход. Положение остается неразрешимым, но с него снимается ощущение тупика, трагичности и безумия. Смех утверждает возможность пребывания и адекватного функционирования «жертвы» в условиях неопределенности, знаменует собой сохранность личностной целостности и придает поведению «жертвы» элемент активности и героики. Иными словами, тот, кого послали туда, неведомо куда за тем, неведомо за чем, и которому пригрозили за невыполнение повеления голову срубить, утверждает смехом, что он «в воде не тонет и в огне не горит, и меч его не берет». Так, в смехе звучит дерзость вызова не только и не столько «палачу», сколько тупику безумия, разрушительному хаосу, пустоте, бездне как источнику жизни и смерти. Спонтанно ворвавшийся в пространство взаимодействия «палача» и «жертвы» смех, преобразует ситуацию, хотя бы одномоментно, в совершенно иную, давая всем участникам ситуации шанс если не на выход из нее, то на разрядку. Спасая жертву, смех приобретает черты субъектности.

Постоянно сталкиваясь с ДП-ситуацией разного вида и масштаба на протяжении своей жизни, человек не может не заметить особой роли, которую играет в них смех. Смех маркирует двойственность и двусмысленность ситуации, становясь своеобразным посредником, медиатором между палачом и жертвой, между «шизофреническим» тупиком и возможностью конструктивной развязки, между словом и жестом. Если слово и жест изначально в двойном послании состоят в отношении противоречия и конфликта, то спонтанный смех преобразует их отношения, своеобразно гармонируя и соединяя их. Место смеха – между жестом и словом, между шизофреническим тупиком и человеческой свободой выбора. Если внимательно присмотреться к смеху в ДП-ситуации, то он стоит не просто между словом и жестом. Смех – это жест озвученный, но пока не семантически, а чисто эмоционально. Смех – это озвученный жест, прорывающийся в статус слова. Как говорил В.Я. Пропп, смех представляет собой интерес как один из находящихся в состоянии постоянного развития атавизмов человеческого сознания.

Мы убеждены, что человеческое сознание формировалось в горниле конфликта двух разных смыслов, переданных разными коммуникативными способами. Восприятие двух разных по содержанию коммуникативных стимулов порождало сшибку в функционировании когнитивных процессов, создавая для индивида ситуацию тупика. И это верно. Однако не меньший по напряженности конфликт возникает и тогда, когда один смысл передается одновременно двумя разными коммуникативными способами. Мозг наших предков, оказавшихся перед необходимостью использования двух кодовых систем, был не готов к даже такой простой для современного человека операции как установление тождества смыслов, выраженных разными кодовыми системами. А возможно даже и для идентификации движения или звука как элемента кодовой системы, а не просто биологической реакции. Формирующееся человеческое сознание диаметрально отличалось от современного, которое с избытком набито истинным и бесценным богатством человечества - «мыслительным мусором», порожденным сознанием многих поколений и хранящимся в гипертексте культуры человечества. Значительная часть этого мусора, как нам кажется, и представляет собою идентификационные алгоритмы, позволяющие устанавливать тождества смыслов, переданных самыми разными коммуникативными средствами.

Аффективная нервная реакция наших предков – протосмех - преодолев тупики двойного послания, которые буквально бомбардировали формирующийся функционально-асимметричный мозг, постепенно превратилась в смех. Нечто подобное наблюдается в онтогенезе. В своей весьма интересной работе «Два лица Януса-смеха» М.В. Бороденко, описывая освоение ребенком сложных навыков саморегуляции своей психической деятельности, пишет об особой роли смеха на раннем этапе становления индивидуального сознания современного человека. Смех, по мнению М.В. Бороденко, в процессе формирования сознания ребенка, играет функцию защиты детской психики от могучего и порою агрессивного напора окружающего мира, подавляющей и вызывающей тревогу информации. «Переводя тревожащие переживания в знаковый контекст шуток, ребенок делает их условными, нетревожащими. Нарастание этой способности в онтогенезе свидетельствует о превращении комического (мы бы сказали – смехового) в особое стимул-средство саморегуляции» [5; 20]. Для нас особенно важным является замечание М.В. Бороденко о том, что природа смеха рас-

крывается не только как функция аффективно-защитная, но и как функция когнитивная, то есть смех не только защищает психику ребенка от давления окружающей действительности, но и является структурно необходимым аспектом познавательной деятельности. Учась видеть смешное, ребенок учится думать, ибо смех является одним из важнейших, если не самым главным, элементом человеческого познания, соединяющим, разделяющим и определяющим отношения запрета и запрещенного, субъекта и объекта, человека и мира.

Размышляя о природе смеха М.В. Бороденко подчеркивает в нем принципиальное единство аффективного и когнитивного. Для нас это особенно важно, потому что в нашей гипотезе значительное место занимает именно проблема преодоления когнитивного тупика при помощи смеховой аффективной реакции. Единство когнитивного и эмоционального в смехе, о котором говорит М.В. Бороденко, свойственно смеху изначально, потому что, как мы предполагаем, смех и появился в момент установления этого единства. В этом и заключается его уникальность. Смех возник в ситуации необходимости реагирования на двусмысленные послания и оказался единственным на тот момент действенным средством их решения в силу своей изначально когнитивно-аффективной двойственности.

И если наша гипотеза о происхождении человеческого сознания, а, значит, и человека, и о роли смеха в этом процессе верна, то остается лишь удивляться тому, как тонко и точно эта роль зафиксирована в древнейших космогонических мифах практически всех народов Земли, когда боги, смеясь, или при помощи смеха творили мир из хаоса.

Не исключено, что первичный хаос древнейших космогонических мифов – это бледное отражение хаоса, возникшего в сознании наших далеких предков, когда они вдруг забоботали, смутное воспоминание хаоса, в который погрузилось сознание странного существа – уже не животного, еще не человека.

Смех не породил человеческое сознание, он спас его. Двойственная аффективно-когнитивная сущность смеха поместила его на границу между животным и человеческим, хаосом и космосом, дикостью и культурой, смертью и жизнью. Остался ли смех там же, на границе? И да, и нет.

Список использованной литературы

1. **Агранович С.З., Березин С.В.** Homo amphibolos: Археология сознания. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2005.
2. **Агранович С.З., Стефанский Е.Е.** Миф в слове: Продолжение жизни. (Очерки по мифолингвистике) – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2003.
3. **Бейтсон Г.** Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Пер. с англ. – М.: Смысл, 2000.
4. **Бианки В.Л.** Асимметрия мозга животных - Л.: Наука, 1985.
5. **Бороденко М.В.** Два лица Януса-смеха. – Р.-на-Дону: Феникс, 1995.
6. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1978. – Т.1.
7. **Зорина З.А., Полегаева И.И.** Зоопсихология. Элементарное мышление животных. – М.: Аспект Пресс, 2002.
8. **Петровский В.А.** Личность в психологии: Парадигма субъектности. – Ростов-н/Д., 1996.
9. **Саган К.** Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. – М.: Знание, 1996.
10. **Спрингер С., Дейч Г.** Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983.

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Акимова Е. Ю.

Филиал Волго-Вятской академии государственной службы в г. Рыбинске

В результате стремительных и радикальных перемен в политической и экономической жизни нашей страны возник дефицит профессиональных кадров. Молодые специалисты часто становятся руководителями, не имея достаточной теоретической подготовки в области управления и практических навыков в руководстве коллективами. Сегодня начался процесс стабилизации системы органов власти, в связи с чем все больше внимания уделяется проблемам качества подготовки специалистов властных структур.

Эмпирические исследования свидетельствуют, что требования к компетентности управленцев существенно превышают компетентность действующих руководителей. Потребности социума, возрастающие требования к системе управления определяют практическую актуальность задачи формирования психологической культуры будущих руководителей. Большинство проблем и возникающих трудностей в управлении связаны с низкой социально-психологической компетентностью и психологической культурой руководителей, хотя именно они становятся одними из основных критериев его профессионального мастерства.

Н.Н. Обозов понятие «психологическая культура» связывает со знаниями и пониманием себя и окружающих; адекватной самооценкой; навыками саморегуляции. О.И. Мотков отмечает, что развитая психологическая культура проявляется в систематическом самовоспитании культурных стремлений и навыков; высоком уровне развития коммуникативных навыков; творческом подходе к делу; умении познавать и адекватно оценивать свою личность. Ю.Н. Емельянов определяет психологическую культуру как уровень обученности взаимодействию с окружающими, который требуется человеку для успешного функционирования в обществе в рамках своих способностей и социального статуса.